

Колдовские *Миры*

МИКА РТУТЬ

Черный вдовец

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р81

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Ртуть, Мика.

Р81 Черный вдовец / Мика Ртуть. — Москва : Эксмо, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-04-097657-7

Даже если ты лорд и далеко не безобидный мальчик, это не мешает судьбе подкидывать проблемы одна другой серьезнее. Над твоим родом тяготеет проклятье, властная матушка стоваривается с королем, за тобой охотятся спецслужбы двух империй. И чтобы выжить, остается только рискнуть... и выиграть. А помочь тебе в этом может странная девушка, попавшая в твой мир по прихоти Богов, и странный зверь «кошка» по кличке Собака.

Короче говоря, это история о непокорной деве и властном некроманте с тяжелым характером. А еще о шпионах, драконах и почти садовых растениях. Ну или... о любви, если копать глубже.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097657-7

© Ртуть М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Роман посвящается Татьяне Богатыревой,
великолепному писателю,
со-творцу и Музе этой истории.
Без нее книги не было бы.*

*Автор благодарит Дану Арнаутову
за неподражаемого Маркуса Бастельеро
из романа «Стальной подснежник»,
прародителя главного героя
и действующего лица книги.*

ЧАСТЬ 1

Глава 1,

о вдовствующих принцессах и погорелом театре

Виен, столица Астурии.

Особняк семейства Бастельеро-Хаас

Людвиг

— **Л**юдвиг, завтра ты женишься.

Ее светлость Эмма Бастельеро-Хаас, вдовствующая кронпринцесса и по ужасному попущению небес матушка Людвига, ласково улыбнулась и легким движением брови велела горничной наливать чай. В четыре часа пополудни ее светлость всегда пила хмирский чай с крохотными безе.

— Я уже был женат, матушка, если вы забыли. — Людвиг смерил горничную и безвкусный чай холодным взглядом. Угловатая и отчаянно некрасивая девица вздрогнула и едва не пролила кипяток.

Ее светлость вдовствующая кронпринцесса улыбнулась еще ласковее:

— Дорогой мой, не упрямясь. Я знаю, что делаю. Сам Удав, сын Тигра, составил твой гороскоп. Ты даже не представляешь, во что мне это обошлось! И все ради тебя, неблагодарный ты сын. — Она на миг прижала к сухим глазам кружевной платочек.

— Мне не нужен гороскоп, матушка. Сколько раз я говорил вам, что не верю в это шарлатанство! И жениться не собираюсь.

— Не спорь со мной! На этот раз все получится. Сын Тигра обещал, что она снимет проклятие! Ради тебя я... —

Ее светлость вздохнула и отпила чай из чашечки костяного фарфора.

— Я ценю вашу заботу, матушка. Но...

— Молчи! — перебила ее светлость, звякая чашечкой о блюдечко; Людвиг с трудом удержался, чтобы не поморщиться от дребезжащего диссонанса. — Материнское сердце скоро разорвется от горя и безысходности! А ты... Ты был таким красивым милым мальчиком, а теперь... теперь ты монстр. Но я избавлю тебя от этого несчастья! Не будь я Эмма Катарина Бастельеро-Хаас!

— Нет, матушка!

— Герцог Людвиг Пауль Бастельеро! Вы женитесь на мефрау Амалии Вебер!

— На этой змее?.. — не веря своим ушам, переспросил Людвиг и спрятал зачесавшиеся руки под стол. Жаль, что не мог спрятаться целиком, вся кожа нестерпимо зудела. — Матушка, ни за что!..

Ее светлость сделала вид, что ничего не услышала. И, разумеется, не заметила тонких чешуек, проступивших на коже единственного сына. Она никогда не замечала столь неприличных, не подобающих аристократу вещей.

— Женитесь и снимете клеймо позора с нашей семьи!.. — продолжала она, позабыв о стынувшем чае. — Из-за вашей порченной крови ваши сестры не могут найти приличную партию, из-за вас скончался мой драгоценный супруг. Из-за вас!.. — В качестве последнего довода ее светлость уронила прозрачную слезинку аккуратно на кружевной платочек, прижала этот платочек к сердцу и взглянула на Людвига глазами раненой лани.

Людвиг сжал кулаки. Под столом. Он мог бы многое сказать о смерти драгоценного супруга ее светлости, собственного непутевого папеньки. К примеру, что в его возрасте кутить сразу с двумя юными танцовщицами кордебалета — непозволительная роскошь, особенно после трех бутылок красного. Сердце не выдержало собственного распутства, а не сыновнего позора.

Но промолчал. Не стоит сильнее расстраивать матушку, а то в самом деле сляжет с мигренью или того

хуже. В матушкиных болезнях Людвиг не разбирался, но лейб-медик утверждал, что любое серьезное потрясение может убить ее светлость, ее здоровье и так подорвано потерей супруга — и ее светлость напоминала об этом неблагодарному сыну при каждой попытке отстоять свое мнение впрямую. Так что Людвиг давно и в совершенстве освоил тактику маневрирования и уклонения.

— Вы же знаете, матушка, быть моей женой опасно для жизни.

«Я же убью эту приторную гадюку, едва мы останемся наедине! Или вообще во время церемонии!»

— Вы же не хотите для племянницы вашей дорогой подруги безвременной смерти.

— Пустое! — отмахнулась ее светлость. Людвиг готов был ставить свой новейший лабораторный увеличитель против шаманского бубна, что матушке совершенно все равно, что станет с его женой, лишь бы сделала то, что от нее требуется. — Вы поженитесь, она снимет с тебя проклятье, и у вас будет прекрасная семья! Тебе давно пора обзавестись наследником, иначе твои сестры...

— Матушка, я не собираюсь жертвовать своей свободой ради... — Он хотел сказать «трех жеманных пигалиц», но снова сдержался. Жеманные пигалицы в отличие от него семью не позорили. — Даже ради сестер. Прошу прощения, но меня ждут дела.

Ее светлость душераздирающе вздохнула и снова поднесла к глазам кружевной платочек. Людвиг удивился: неужели матушка вот так легко его отпустит, даже без рыданий, нюхательных солей, монолога о проклятой крови Бастельеро и загубленной жизни? Но удивлялся всего мгновение. Не успел он подняться, как ее светлость отложила платочек и велела:

— Сиди. Твои дела подождут.

Людвиг выругался про себя. Когда матушка оставляла погорелый театр и говорила таким тоном, ее не осмеливался перебивать даже его величество Гельмут. Людвиг тоже не пытался, потому что знал: проще остановить солнце, чем ее светлость Эмму, если она чего-то

по-настоящему хочет. Единственным, что до сих пор смело сопротивляться ее светлости, было семейное проклятие.

— Что-то еще, матушка?

— Я не хотела тебя расстраивать, сын мой, но ты меня вынуждаешь. — Она протянула Людвигу сложенный вчетверо листок.

Молча развернув его, Людвиг прочитал несколько строчек, написанных рукой короля. Смысл был предельно ясен: три дня тебе на женитьбу, иначе ссылка в поместье и опала. Никаких объяснений, ничего. И, судя по чересчур сильному нажиму и слишком резким росчеркам, король был зол. Сильно зол.

Сжав зубы, Людвиг скомкал записку и швырнул ее в камин. В высшей точке траектории она с треском вспыхнула, и на вишневые поленья упали лишь хлопья пепла.

Ее светлость неодобрительно покачала головой.

Зря. Ведь намного лучше сжечь бумажку, чем разгромить чайную комнату, а Людвиг сейчас был к этому очень близок. Настолько близок, что даже не стал ничего говорить матушке. Поднялся, коротко поклонился — и, стараясь не слишком печатать шаг, покинул комнату.

Лишь когда за его спиной закрылась дверь, а дежурившая под дверью горничная сдавлено охнула, он опустил взгляд на свои руки.

Черные. Покрытые хитиновыми чешуйками. Но все еще человеческие.

Что ж, неплохо.

А вот в зеркало смотреть он не стал. Потому что точно знал: ему не понравится то, что он там увидит.

* * *

Час спустя Людвиг припарковал свой мобиль у скромного дома на Айзенштрассе, кинул ключи выбежавшему лакею и, не обращая внимания на любопытных мальчишек, пляющихся на диковинное средство передвижения, зашагал к подъезду.

Дверь перед ним отворилась с мелодичным звоном: фа-ре-ми, фа-ре-ми. Людвиг улыбнулся одной стороной рта — идеально чистый звук! Хоть что-то приятное сегодня!

— Мон шер, какая приятная неожиданность! — раздалось сверху, как раз когда он снимал шляпу и отдавал ее лакею вместе с перчатками.

Голос у меффрау Тори Бальез тоже был чистый и мелодичный, а франкский акцент придавал ему особую, чуть шершавую горчинку. Именно за голос Людвиг и выбрал себе любовницу. Содержанку, если быть точнее.

По лестнице застучали каблочки, пахнуло сладко-терпким восточным ароматом, и ему на шею бросилась Тори. Миниатюрная, стриженная под мальчика, хрупкая и изящная, как статуэтка, она нежно поцеловала Людвигу в уголок губ, тут же отскочила, не позволив себя поймать, и покружилась на месте.

— Мне идут твои подарки, правда же, мон шер?

— Весьма, — кивнул Людвиг, оценивающе разглядывая ножки, мелькающие в разрезах полупрозрачной юбки: видимо, именно этот разноцветный шелк он и оплатил на прошлой неделе. Наверняка не только его, но секс с Тори определенно стоил некоторых трат.

Умеренных.

Одним из ее неоспоримых достоинств был разумный подход: не требовать больше, чем он готов на нее потратить.

— Отчего ты так мрачен, мон шер? Опять работа? — почти пропела Тори, остановившись. Шелковая тряпочка словно невзначай соскользнула с плеча.

Людвиг слегка поморщился.

Иногда Тори слишком много болтала. Для ее шустрого язычка есть более полезное занятие.

Скинув сюртук на руки лакею и жестом отправив его прочь, он шагнул к девице и, когда она подалась навстречу, надавил ей на плечи, заставляя опуститься на колени. Она стрельнула на него глазами, облизнулась и отработанным до изящества движением расстегнула

его брюки. Скользнув пальцами под белье, восторженно ойкнула.

Прикрыв глаза, Людвиг позволил ей продолжить.

О да. Именно то, что нужно сейчас. Влажный жаркий ротик и ловкий язычок.

— Хорошая девочка. — Людвиг одобрительно погладил ее по голове. Хорошая, умелая и послушная девочка, не пытается касаться его руками, а заложила их за спину.

Ровно три минуты и двадцать секунд — он засек по ручному хронометру — Людвиг размеренно и глубоко дышал, не позволяя возбуждению захватить себя. Не так уж плохо, тем более после разговора с матушкой.

— В постель, — велел он, когда самоконтроль начал давать трещину.

Тори молча повиновалась: изящно поднялась на ноги, развернулась и, на ходу спуская с плеч платье, пошла наверх. Шелковые тряпочки одна за другой падали на ступени лестницы...

*Брийю, столица Франкии,
штаб Ордена Белой Лилии*

В Ордене Белой Лилии, хранящем безопасность Франкии, давно привыкли, что его глава может не покидать свой кабинет сутками. Ходили слухи, что кавалер Д'Амарьяк — то ли оборотень, то ли вампир, то ли еще какой монстр и потому не спит неделями, видит людей насквозь, взглядом сбивает на лету голубей и заставляет дипломатов говорить правду. Его секретарь, мсье Товиль, никогда не опровергал этих слухов, хотя точно знал: его начальник — чистокровный человек. Но вот обычным его назвать было никак нельзя.

— Товиль, барона де Флера ко мне. Немедленно, — раздался из переговорного устройства низкий глуховатый голос Д'Амарьяка.

Глянув на хронометр на стене — тот показывал три ночи, то есть «четверть часа, как доставили гранки утренних газет», — секретарь привычно ответил:

— Будет исполнено, — и в который раз за двадцать лет службы порадовался своей странной способности засыпать и просыпаться мгновенно, да и вообще не обращать внимания на время суток за окном.

Впрочем, в Малой приемной главы Ордена, где мсье Товиль проводил большую часть жизни, окон и не было — безопасности ради. Зато было пять новейших, защищенных от прослушивания фонилей, к одному из которых и потянулся мсье Товиль.

Барон де Флер по прозвищу Черный Лис, которого звонок застал на половине пути к кровати, явился через двадцать с половиной минут. Высокий, хмурый, небритый, в криво застегнутом сюртуке, он вошел ровно в тот момент, когда мсье Товиль опускал в кофе кавалера Д'Амарьяка кубик сахара. Чашка барона — черный кофе с половиной рюмки бренди — уже была готова.

Пройдя вперед барона, Товиль отворил одну дверную створку в освещенный модифицированными газовыми рожками кабинет. Две створки открывались только для императора.

— Барон де Флер, — доложил он и поставил поднос на стол.

Стол этот был сделан гномами по специальному заказу, как и обитое бархатом кресло главы Ордена. Благодаря хитрой конструкции и парочке встроенных артефактов кавалер Д'Амарьяк, сидя за своим столом, казался почти нормального роста. К тому же благодаря конструкции и артефактам его искривленная спина не болела. Иногда, забирая у лейб-медика еженедельную порцию снадобий, Товиль склонялся к мысли, что императорский подарок — а именно его величество позаботился о своем верном слуге, и от стоимости подарка у казначея наверняка случился сердечный приступ — служил одной из причин любви Д'Амарьяка к круглосуточной работе.

— Барон. — Д'Амарьяк жестом велел де Флеру садиться и брать кофе. Товилю же хватило лишь начальственного взгляда, чтобы понять: он больше не требуется, можно возвращаться на место. — Вы видели завтрашние газеты?

Фрау Бастельеро заявляет, что ее сын завтра женится! Как вы думаете, на ком?

Кивком поблагодарив главу Ордена, барон уселся на вполне удобный гостевой стул.

— На мадемуазель Амалии Вебер, — ответил он прежде, чем отхлебнуть из своей чашки.

— Мы планировали, что мсье Людвиг женится на вдове графа Рокле, а не на этой... ветреной мадемуазель.

— Мадам Бастельеро бывает весьма неуступчива, — безэмоционально возразил барон и потер глаза. — Ваша светлость, я сделал все возможное. Мне удалось завербовать мадемуазель Вебер в самый последний момент, и, поверьте, стоило это недешево.

— Надеюсь, не деньгами Ордена, — проворчал Д'Амарьяк, и барон де Флер позволил себе мимолетную улыбку. А Д'Амарьяк потер седые виски и продолжил: — Отвратительные новости, барон. Я получил известие из Нового Света: кронпринц отплывает домой и прибудет не позже чем через два месяца.

Барон де Флер едва сдержался, чтобы не выругаться, как портовый грузчик.

— Два месяца! — нахмурившись, повторил он.

— У нас нет и одного. Лейб-медики дают его величеству не больше трех недель. Если боги будут очень добры, то четыре. Мсье Людвиг — наша последняя надежда.

Барон мог бы ответить, что эта последняя надежда — самая ненадежная из всех возможных соломинок, но не стал. Если кронпринц не успеет вернуться, пока император жив, начнется гражданская война. Демонами покусанные герцоги ни за что не откажутся от шанса умостить задницы на трон, а дорогие соседи только и ждут возможности отхватить куски территории. Нет уж, лучше соломинка, чем гарантированный хаос и кровопролитие.

— Бастельеро не идет на контакт. От денег он отказался, племянница императора в качестве невесты его не интересует, в карты он не играет, скачки не посещает, актрисок терпеть не может. Примадонну Императорской

Оперы выставил из дома и послал учить сольфеджио! А моего лучшего агента проклял так, что орденские медики вторую неделю не могут вернуть ему человеческий вид. — При воспоминании о зеленокожем в оранжевый горошек агенте барон потряс головой: чувство юмора у мсье некроманта оказалось крайне специфическим. По типу «то ли плакать, то ли смеяться». — Мои люди пытаются выяснить хоть что-то об их родовой тайне, собрали всю информацию о его покойных женах, но пока ровным счетом ничего, на что можно было бы надавить. Надеюсь, молодая супруга найдет его секрет.

— Не затягивайте, барон. Я точно знаю, что наша до- блестящая оппозиция тоже охотится за мсье Людвигом. Но вычислить их агента мне пока не удалось. Вот зараза! — грохнул кулаком по столу карлик. — И не обратиться за помощью открыто! Наш выживший из ума старик пересорился со всеми дворами!

Барон де Флер промолчал, хотя целиком и полностью был согласен с Д'Амарьяком насчет императорского маразма. Ругать его величество мог только мсье Д'Амарьяк, всем остальным это грозило лишением головы.

Глава 2, о цветных котиках, родне белых кроликов

Москва, Россия

Рина

Натянув поверх любимой рубашки стеганую жилетку и схватив сумку с учебниками, Ринка выскочила за дверь и помчалась вниз по лестнице. На первом этаже она едва не сшибла бабульку — божий одуванчик.

— Ой, простите! — Она поддержала соседку под острый локоток, а то еще упадет.

— Ничего, деточка, не волнуйся. К тебе не приходила Аполлония?

— Нет. Извините, я...